

ГОГОЛЕВСКИЕ ТЕКСТЫ НА УРОКАХ КУЛЬТУРОЛОГИИ В КЛАССЕ ЖУРНАЛИСТИКИ

Е.В. Мундузбаева

Рассмотрен об опыт проведения уроков культурологии с использованием художественных произведений Н.В. Гоголя.

Ключевые слова: Н. Гоголь; культура; эстетика; живопись.

Курсы культурологической направленности позволяют решать задачи по развитию творческого мышления, эстетической культуры школь-

ников – будущих журналистов. Умение расшифровывать эстетический опыт предшественников и современников позволяет правильно увидеть

и оценить общую перспективу своего развития и своего пребывания в мире. Человеку необходимо то особое чувство равновесия, тонкого баланса между идеальным и реально возможным, которое называют вкусом; именно эстетический вкус позволяет безошибочно устанавливать меру нужного, обеспечивающего гармонию противоречивых тенденций и побуждений. Развитый вкус не только интуитивно угадывает “оптимум”, но и способен обосновать критерии оценки, его фиксирующие [1].

В условиях девальвации нравственных ценностей, снижения речевой культуры молодого поколения, падения интереса к гуманитарным предметам остро стоит проблема бережного отношения к русскому языку как культурной ценности, последовательного и глубокого приобщения юношества к мировой культуре. Основная задача элективного курса “История изобразительного искусства” – формирование коммуникативной и культуроведческой компетенции учащихся профильных классов направления журналистики Кыргызско-Российского Славянского университета. Эти классы были открыты на базе УВК ШГ №12 и призваны помочь школьникам осознанно выбрать свою будущую профессиональную деятельность.

Язык живописи своеобразно отражает окружающую действительность, своими средствами передает информацию об эпохе, людях, событиях, позволяет учителю сделать культуру предметом изучения средствами русского языка, расширяет кругозор учащихся, соединяя обучение с эмоционально-нравственным воспитанием, пробуждая у школьников уважение к создателям шедевров искусства.

В произведениях живописного искусства огромный потенциал для одновременного изучения языка и культуры, вхождения в ассоциативное пространство русского языка. Творчество русских художников отражает историю, морально-этические и психологические нормы и ценности народа, его культуру, которая принадлежит всему миру. Приобщаясь к художественным ценностям, старшеклассники получают страноведческие сведения, необходимые для адекватной коммуникации, кроме того, самостоятельно открывают факты культуры исходя из содержания картины, из комментирующих текстов как художественных, так и искусствоведческих.

Творчество Н.В. Гоголя дает прекрасный языковой материал для изучения различных живописных жанров: портрета, пейзажа, многофи-

гурной исторической композиции. Так, работая над темами, связанными с особенностями развития русской школы живописи XIX в., вполне возможно обращение к повести Н.В. Гоголя “Портрет”. Несмотря на достаточно резкую критику В.Г. Белинского, повесть дает нам своеобразную трактовку спора, актуального в художественных кругах и Запада? и Востока XIX века, спора о предназначении художника. Главный герой “Портрета” – Чертков – “художник с талантом, пророчившим многое”, – с осуждением думает о выставленных на продажу картинах. Для него они являются ярким примером “унижения искусства”, он не видит в них ни капли порыва, вдохновения; кистью художников водила, думает он, какая-то “приобвыкшая рука, принадлежавшая скорее грубо сделанному автомату, нежели человеку” [2, 7, 267]. О предназначении художника размышляет и автор “Портрета Дориана Грея” Оскар Уайльд: “Художник – тот, кто создает прекрасное. Но избранник – тот, кто в прекрасном видит лишь одно: Красоту... В сущности, Искусство – зеркало, отражающее того, кто в него смотрится, а вовсе не жизнь... Если произведение искусства вызывает споры, – значит, в нем есть нечто новое, сложное и значительное... в истории человечества есть только два важных момента. Первый – это появление в искусстве новых средств выражения, второй – появление в нем нового образа” [3, 8–9]. Обсуждение этих фрагментов на уроке помогает школьникам понять смысл творческих исканий художников-романтиков, а затем и символистов, которые во многом предопределили судьбу современного искусства.

Во второй половине XIX века портрет как жанр приобретает новые черты: на смену парадной чопорности классического портрета приходит портрет романтический с показом чувств конкретного современника. Настроить учащихся на новое живописное видение позволяет гоголевский текст: “...особенно всех поражали глаза. Они были велики, черны, тусклы. Они глядели мертвенно и вместе с тем живо, как будто таинственным образом в них была удержана часть не только душевной, но и биологической жизни. Это были живые человеческие глаза; они смотрели на всех неподвижно... Они проникали внутрь человека и заставляли всех вскрикнуть от страха и ужаса” [2, 7, 269]. “Взгляд этих глаз заключал в себе нечто магнетическое, сверхъестественное...” [2, 7, 272].

Предлагаю рассмотреть зрительный ряд: автотортрет К.П. Брюллова, портреты А.С. Пуш-

кина кисти О.А. Кипренского и В.А. Тропинина, портреты А.Н. Островского, Ф.М. Достоевского, написанные известным художником-передвижником В.Г. Перовым. Обращаясь к портрету Л.Н. Толстого (художник И.Н. Крамской), школьники замечают сверлящий взгляд автора “Войны и мира”. Художники-современники, встречавшиеся с Толстым, также отмечали сильное воздействие взгляда художника на них. Прекрасный портретист И.Е. Репин как бы вторил Гоголю: “Из-под густых грозных бровей светят фосфорическим блеском глаза” [4, 153].

Н.В. Гоголь – удивительно тонкий пейзажист, что позволяет использовать фрагменты его произведений при изучении своеобразия русской пейзажной живописи. Очень важно на занятиях культурологического курса помочь школьникам понять настроение художника и передать свои собственные чувства через слово. Разнообразие лексического поля нарисованного словами гоголевского пейзажа, дает возможность эффективно организовать словарно-стилистическую работу, направленную на обогащение лексики школьников образно-выразительными средствами языка. В литературе пейзаж создает эмоциональный фон, на котором разворачивается действие, подчеркивает психологическое состояние героев, придает рассказанным историям большую достоверность, а иногда выводит на философские обобщения. Короткий штрих в описании природы может изменить на противоположное впечатление от произведения, придать отдельным фактам дополнительное значение, по-новому расставить акценты. Природа – это не только расставка с натуры, она моделирует жизненные ситуации, может быть и молчаливым свидетелем, и инициатором неожиданных эмоциональных решений, и даже неодолимой силой, заставляющей людей обнаруживать собственную значимость и индивидуальность.

Критик Сарабьянов определяет существенную черту романтического искусства 1880-х годов как “романтическое томление”. Ученикам предлагается увидеть это в пейзажах А.И. Куинджи: “Вечер на Украине”, “Украинская ночь”, “Лунная ночь на Днепре”.

Школьники знакомятся с историей создания картины “Лунная ночь на Днепре”. Летом и осенью 1880 года А.И.Куинджи работал над новой картиной. По российской столице разнеслись слухи о феерической красоте “Лунной ночи на Днепре”. На два часа по воскресеньям художник открывал желающим двери своей мастерской, и петербургская публика начала осаждать ее за-

долго до завершения произведения. Эта картина обрела поистине легендарную славу. В мастерскую А.И. Куинджи приходили разные люди: писатели и поэты И.С.Тургенев и Я. Полонский, художники И.Крамской, П.Чистяков, будущий создатель периодической системы химик Д.И. Менделев. Прямо из мастерской, еще до выставки, “Лунная ночь на Днепре” за огромные деньги была куплена великим князем Константином Константиновичем. А потом картина была выставлена на Большой Морской улице в Петербурге, в зале Общества поощрения художников.

Выступление художника с персональной выставкой, да еще состоящей всего из одной небольшой картины, было событием необычным. При чем картина эта трактовала не какой-нибудь занимательный исторический сюжет, а была весьма скромным по размеру пейзажем. Но А.И. Куинджи умел побеждать. Успех превзошел все ожидания, картина превратилась в настоящую сенсацию. Длинные очереди выстраивались на Большой Морской улице, и люди часами ждали, чтобы увидеть это необыкновенное произведение.

А.И. Куинджи всегда очень внимательно относился к экспонированию своих картин, размещал их так, чтобы они были хорошо освещены, чтобы им не мешали соседние полотна. В этот раз “Лунная ночь на Днепре” висела на стене одна. Зная, что эффект лунного сияния в полной мере проявится при искусственном освещении, художник велел задрапировать окна в зале и осветить картину сфокусированным на ней лучом электрического света. Посетители входили в полуметный зал и, завороженные, останавливались перед холодным сиянием лунного света.

Перед зрителями раскрывалось широкое, уходящее вдаль пространство; равнина, пересеченная зеленоватой лентой тихой реки, почти сливается у горизонта с темным небом, покрытым рядами легких облаков. В вышине они чуть разошлись, и в образовавшееся окно глянула луна, осветив Днепр, хатки и паутину тропинок на ближнем берегу. И все в природе притихло, замороженное чудесным сиянием неба и днепровских вод.

Сверкающий серебристо-зеленоватый диск луны залил своим таинственным фосфоресцирующим светом погруженную в ночной покой землю. Гладким зеркалом отражают этот свет воды Днепра, из бархатистой синевы ночи белеют стены украинских хат. Это величественное зрелище до сих пор погружает зрителей в раздумья о вечности и непреходящей красоте мира. Так, до А.И. Куинджи пел о природе только

великий Н.В. Гоголь в повести “Майская ночь, или Утопленница”: “Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь в нее. С середины неба глядит месяц. Необытный небесный свод раздался, раздвинулся еще необытнее. Горит и дышит он. Земля вся в серебряном свете; и чудный воздух и прохладно-душен, и полон неги, и движет океан благоуханий. Божественная ночь! Очаровательная ночь! Недвижно, вдохновенно стали леса, полные мрака, и кинули огромную тень от себя. Тихи и покойны эти пруды; холод и мрак вод их угрюмо заключен в темно-зеленые стены садов. Девственные чащи черемух и черешен пугливо протянули свои корни в ключевой холод и изредка лепечут листьями, будто сердясь и негодуя, когда прекрасный ветреник – ночной ветер, подкравшись мгновенно, целует их. Весь ландшафт спит. А сверху все дышит, все дивно, все торжественно. А на душе и необытно, и чудно, и толпы серебряных видений стройно возникают в ее глубине. Божественная ночь! Очаровательная ночь! И вдруг все ожило: и леса, и пруды, и степи. Сыплется величественный гром украинского соловья, и чудится, что и месяц заслушался его посреди неба...” [2, 1, 114].

Просто удивительно, как два разных человека, писатель и художник, в разное время силой таланта сумели создать настоящие шедевры, выразив столь поэтичный образ украинской ночи! Число искренних почитателей таланта А.И. Куинджи росло, редкий человек мог остаться равнодушным перед этой картиной, казавшейся колдовством.

Современники высказывали предположения о каких-то необычных красках и даже о странных, фантастических художественных приемах, которые якобы использовал художник. Слухи о тайне художественного метода А.И. Куинджи, о секрете его красок ходили еще при жизни художника, некоторые пытались уличить его в фокусах, даже в связи с нечистой силой (как тут не вспомнить гоголевского Черткова).

Создавая это полотно, А.И. Куинджи применил сложный живописный прием. Например, теплый красноватый тон земли он противопоставил холодно-серебристым оттенкам и тем самым углубил пространство, а мелкие темные мазки в освещенных местах создали ощущение вибрирующего света.

Публику приводила в восторг иллюзия натурального лунного света, и люди, по словам И.Е. Репина, в “молитвенной тишине” стоявшие перед полотном А.И. Куинджи, уходили из зала

со слезами на глазах: “Так действовали поэтические чары художника на избранных верующих, и те жили в такие минуты лучшими чувствами души и наслаждались райским блаженством искусства живописи” [5].

Картины Куинджи и сегодня производят на зрителя такое же неизгладимое впечатление, как и на современников. Старшеклассники отмечают световые эффекты и интенсивные цвета. Замечаем, что художник сводил цветовую палитру к нескольким главным тонам, стремился передать наиболее выразительные по освещению состояния природы и достигал почти полной оптической иллюзии освещения.

Школьники, находясь под влиянием лунной ночи, воспетой Гоголем и Куинджи, записывают свои впечатления от картины “Вечер на Украине”: “воздух напоен томительным малиновым цветом”; “краски буквально горят”; “на теневой стороне хаты горят бирюзовым цветом, контрастирующим с малиновым и усиливающим эффект горения”; “цвет придает изображению зачарованную неподвижность, необычайный покой какого-то неземного свойства”.

Еще одно описание ночной природы в той же повести Гоголя можно использовать при знакомстве с творчеством русского передвижника И.Н. Крамского. Это картина природы из сна Левко, попавшего в мир волшебной сказки. Пейзаж здесь тот же: величественный и мрачный кленовый лес, “неподвижный пруд”, месяц, освещающий все вокруг, “раскаты соловья”, “блистательная ночь”.

“Величественно и мрачно чернел кленовый лес, стоявший лицом к месяцу. Неподвижный пруд подул свежестью на усталого пешехода и заставил его отдохнуть на берегу. Все было тихо; в глубокой чаще леса слышались только раскаты соловья.<...> Оглянулся: ночь казалась перед ним еще блистательнее. Какое-то странное, упоительное сияние примешалось к блеску месяца. Никогда еще не случалось видеть ему подобного. Серебряный туман пал на окрестность. Запах от цветущих яблонь и ночных цветов лился по всей земле” [2, 1, 129–130]. Так, незаметно осуществляется переход из мира реального в мир сновидений, сказки. А когда совершается этот переход? Скорее всего, тогда, когда “странное, упоительное сияние примешалось к блеску месяца” и когда “серебряный туман пал на окрестность”. Когда Левко просыпается, он возвращается буквально в подлунный мир: “Месяц, остановившийся над его головой, показывал полночь...” [2, 1, 130], т.е. опять серебряный

свет месяца оказывается границей миров реального и вымышленного, земного и небесного.

И.Н. Крамской в “Майской ночи”, равно как и в другой его картине “Ночь”, превосходно передал лунное освещение не только человеческих фигур, но и пейзажной обстановки. В его картине органично сливаются мир земной и небесный: месяц “посреди неба” “заслушался” соловья. А объединяет эти два мира “божественная ночь”. И школьники видят, как может меняться мир. Автор представляет зрителю чудо потустороннего, скрытого от глаз человека.

Крамской – один из первых русских художников, кто испытал интерес к состояниям на грани сна и яви, реальности и фантастики. Задолго до начала работы над картиной Крамской записал в свой дневник: “О, какой удивительный человек был этот Гоголь!”. Он любил Гоголя, много раз перечитывал все его произведения, особенно “Вечера на хуторе близ Диканьки”.

Читая “Майскую ночь”, художник погрузился в мир украинской народной сказки с ее ведьмами, колдунами, русалками, с волшебными лунными ночами. И пусть это только сказка, и сказочным кажется дом на горе, и дремучий лес, и глухой, заросший пруд, и девушки-русалки, но ведь в каждой сказке всегда есть зерно правды, и Крамской хотел написать картину так, чтобы зритель за этой сказкой увидел настоящую жизнь, услышал задушевную украинскую песню, почувствовал беспокойство и жалость к тем “земным” крестьянским девушкам, у которых так печально сложилась судьба.

Крамской работал над картиной долго, терпеливо. “Трудная штука – луна”, – говорил он. “Поймать луну”, показать, как при ее свете все преобразуется, становится чудесным, чуть тревожным, было мучительно трудно. Но луну он все-таки “поймал” и написал чудесную поэтическую картину лунной ночи.

Жанр многофигурной композиции сложен для восприятия любого зрителя, а тем более юного. Многие школьники в ответ на задание определить тему произведения начинают рассказывать о ее сюжете, поверхностно пересказывая то, что попросту говоря “видят на картинке”. Для будущих журналистов очень важно научиться раскрывать особенности творческого метода автора через понимание его произведений. Рецензия Н.В. Гоголя “Последний день Помпеи” дает возможность познакомиться с такого рода литературной деятельностью. Статья была создана буквально на одном дыхании и имела принципиальное отличие от статей современников,

выполнявших чисто информационную роль. Гоголь писал: “Я не стану изъяснять содержание картины и приводить толкования и пояснения на изображенные события. Для этого у всякого есть глаз и мерило чувства... Я замечу только те достоинства, те резкие отличия, которые имеет в себе стиль Брюллова...” [6, 6, 115].

Творчество К. Брюллова внесло струю романтизма в живопись русского классицизма. Популярное его произведение “Последний день Помпеи” было написано в промежуток времени 1830–1833 годов по заказу А. Демидова. В Италии эта картина произвела большое впечатление. Позже она была выставлена в Париже, где ее приняли, хотя и с меньшим восторгом, но все же с большим одобрением. Зрители тех лет не скупались на слово “гениально”, восторгаясь свободой и широтой мастерской кисти, огненным освещением, живым изображением мятущейся толпы. Н.В. Гоголь оказался среди восторженных зрителей и был одним из критиков, написавших о шедевре Брюллова статью. И картина Брюллова, и статья Гоголя созданы одинаково вдохновенно, хотя язык, избранный авторами, различен. Статья Гоголя, по мнению Л. Алпатова, “принадлежит к числу наиболее известных произведений русской художественной критики” [4, 158].

“Картина Брюллова – одно из ярких явлений XIX века. Это – светлое воскресение живописи, пребывавшей долгое время в каком-то полуплетаргическом состоянии [6, 6, 111]”, – так начинается статья о Брюллове. Гоголь начал свою рецензию не с сюжета, не с темы картины, а с того, что сразу же, при первом взгляде, поразило зрителей. Это – живописная свобода, мастерство, “роскошный колорит”. Для Гоголя Брюллов прежде всего – современный живописец. В XIX веке, по словам Гоголя, “все наперерыв старались заметить тот живой колорит, которым дышит природа” [6, 6, 112]. “Но что сильнее всего постигнуто в наше время, так это освещение, – утверждал он. – Освещение придает такую силу и, можно сказать, единство всем нашим творениям, что... они общим выражением своим не могут не поразить” [Там же].

По мнению Гоголя, Брюллов несравненно смелее многих современников. “Видимое отличие или манера Брюллова уже представляет тоже совершенно оригинальный, совершенно особенный шаг. В его картинах целое море блеска. Это его характер. Тени его резки, сильны; но в общей массе тонут и исчезают в свете. Они у него, как в природе, незаметны. Кисть его можно

назвать сверкающею, прозрачною. Выпуклость прекрасного тела у него как будто просвечивается... Его кисть остается навеки в памяти” [6, б, 117]. Так мог написать человек, которому интересны и понятны вопросы мастерства, так как Н.В. Гоголь учился некоторое время в Академии художеств по приезду в Петербург.

Обобщая свои мысли о красоте “главных фигур”. Гоголь утверждал, что Брюллов “представлял человека как можно прекраснее; его женщина дышит всем, что есть лучшего в мире. ... И эта прекрасная, этот венец творения, идеал земли, должна погибнуть в общей гибели, наряду с последним презренным творением, которое недостойно было и ползать у ног ее” [6, б, 117].

В конце фразы раскрыта суть глубокого внутреннего конфликта, заключенного в сюжете “Последнего дня Помпеи”: гибель прекрасного существа, ставшего жертвой бессмысленной и беспощадной стихии. Человек – само совершенство, “идеал земли”, обречен на уничтожение в жестоком мире несовершенства. Трагическое противоречие это заложено во многих произведениях романтиков, ясно видевших и отразивших в искусстве несоответствие идеала и действительности. Здесь сталкиваются две противостоящие силы. У Брюллова рок губит человека. Их борьба есть извечный конфликт в жизни и искусстве. Красота бессмертна даже в трагедии – такова, по мысли Гоголя, идея современной живописи.

Можно предположить, что именно о “Последних днях Помпеи” Н.В. Гоголь написал в

“Портрете”: “Чистое, непорочное, прекрасное, как невеста, стояло перед ним произведение художника. И хоть бы какое-нибудь видно было в нем желание блеснуть, хотя бы даже извинительное тщеславие, хотя бы мысль о том, чтобы показаться черни – никакой, никаких! Оно возносилось скромно. Оно было просто, невинно, божественно, как талант, как гений. Изумительно прекрасные фигуры группировались непринужденно, свободно, не касаясь полотна и, изумленные столькими устремленными на них взорами, казалось, стыдливо опускали прекрасные ресницы” [6, б, 427]. О картине сказано столь вдохновенно, что она, кажется, заслоняет автора шедевра.

Литература

1. Культурология. Электронная энциклопедия. – <http://www.philosophy.ru/edu/refivsk>
2. *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 9 т. – М.: Рус. кн., 1994.
3. *Оскар Уайльд.* Портрет Дориана Грея. – М.: АСУ-Импульс, 2003.
4. Этюды об изобразительном искусстве: Книга для учащихся / М. Алпатов, М. Алленов, А. Баранов и др.; Сост. Н.И. Платонова, В.Ф. Тарасов. – 2-е изд. – М.: Просвещение, Владос, 1994.
5. Сайт <http://www.countries.ru/library/links/culturology.htm>
6. *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 7 т. – М.: Худож. лит., 1986.